

© Н. П. ЩУКИНА, 2022

Самарский государственный медицинский
университет (СамГМУ), Россия

E-mail: nina_shukina@mail.ru

О ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ИЗУЧЕНИЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ

В статье делается акцент на специфике методологии качественного исследования ресоциализации осужденных, когда в фокусе внимания оказываются конструкты данного процесса, создаваемые бывшими осужденными в ходе их взаимодействия с исследователем. Фокусируется внимание на роли саморефлексии исследователя как при подготовке к исследованию, так и при генерировании данных и их интерпретации. Постулируется необходимость и значимость обращения отечественных ученых к потенциалу криминологии осужденных при изучении процессов ресоциализации осужденных и их реинтеграции в общество.

Ключевые слова: криминология осужденных, критическая криминология, методология качественного социологического исследования, ресоциализация осужденных, социальный конструктивизм.

Введение

Тема ресоциализации осужденных и бывших осужденных — одна из ключевых в современной криминологии. Притчей во языцех стало положение о низкой результативности данного процесса. Из работы в работу переходит положение о том, что многие из освобождающихся из мест лишения свободы возвращаются туда в ближайшие 3–5 лет. Так, в США, по некоторым данным, около 68% освобожденных из мест лишения свободы были арестованы и чуть более половины (52%) были возвращены в тюрьму в течение 3 лет [1]. В России удельный вес выявленных рецидивистов в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления, периода 2015–2021 гг. колеблется соответственно в пределах 52–58% [2, с. 78]. Для актуализации темы нашей статьи не менее принципиальным представляется и обращение к утверждению Д. Ирвина¹ — крупнейшего пред-

¹ Джон Ирвин (1929–2010 гг.) — интеллектуальный родоначальник криминологии осужденных, выступал за более широкое использование качественного подхода в изучении института тюрьмы для получения всестороннего представления о данном институте.

ставителя криминологии осужденных, который в результате 50-летнего общения с заключенными и бывшими заключенными постулировал, что большинство лиц, проходивших через тюрьму, принимали решение попытаться вести непреступную жизнь и не оказаться вновь в местах лишения свободы [3].

Считаем, что в силу сказанного выше назрела необходимость, продолжая изучение ресоциализации осужденных и бывших осужденных, сфокусировать внимание именно на их точке зрения, на том, как они конструируют данный процесс (в доминирующих в криминологии количественных исследованиях замалчиваются голоса самих осужденных, «ужасы тюрьмы», ее «запахи страха» и отчаяния, так хорошо известные лицам, «живущим в клетках» [4, р. 377]).

В нашем понимании криминология осужденных как одно из перспективных направлений критической криминологии связана с использованием именно потенциала качественных исследований, процесс которых должен быть прозрачен (должен акцентироваться на саморефлексии исследователя касательно всех шагов, предпринимаемых им как при организации исследования, так и при сборе и интерпретации собранного эмпирического материала).

Цель данной работы — сфокусировать внимание на планировании качественных исследований при изучении «маргинализированных мнений», «социально незащищенных людей» [5, р. 243] в критической криминологии, признавая при этом, что не существует единой критической криминологии; последняя представлена разными теориями и методами [6]. Предмет качественного исследования, планирование которого изложено в настоящей статье, строится на выявлении конструкторов, используемых осужденными и бывшими осужденными (объектом исследования) при описании «реальности» своего бытия.

Результаты исследования

Остановимся несколько на выборе теоретических оснований планируемого исследования. Подчеркнем: несмотря на то, что теория лежит в основе современной социальной науки, тем не менее среди исследователей практически нет согласия относительно понимания как сути, так и роли теории в научных исследованиях [7]. Так, в работах по методам социальных наук теория может определяться как набор переменных, которые должны быть измерены, или как гипотеза, подлежащая проверке. Нередко теорию изображают и как один из многих взглядов на изучаемую проблему, мир в целом или как школу мысли, например, классическая или позитивистская криминология, социальный конструктивизм [7]. Нередки

и случаи отказа от определения теории или отождествления ее с концепцией.

В данном исследовании социальные теории будут определяться как аналитические рамки, используемые для изучения и интерпретации социальных явлений [8]. В качестве таких рамок предлагается социальный конструктивизм П. Бергера и Т. Лукмана. Действительно, наше исследование связано с изучением опыта ресоциализации осужденных, того, как понимается и конструируется ими этот опыт, с акцентом на недопустимость игнорирования или маргинализации голосов осужденных. В этой связи в качестве теоретических оснований планируемого исследования выступает понимание того, что именно посредством социального взаимодействия создается, распределяется во времени и пространстве смысл тюремной ресоциализации, приобретая структурное качество. Согласно Бергеру и Т. Лукману, мир повседневной жизни — не только «само собой разумеющаяся реальность», но и создаваемая людьми «в их мыслях и действиях» и переживаемая ими «в качестве реального» [9]. Социальная реальность как объективна, так и субъективна, и это основной тезис теории Бергера и Лукмана. С одной стороны, социальная реальность независима от индивида, с другой — представляет собой субъективный мир, ибо является результатом творческого процесса индивида.

Рассмотрим методологические основания планируемого исследования. Здесь необходимо заметить, что методология должна строиться на выявлении следующих факторов: как исследовательская проблема связана с дизайном исследований, с ролью теорий, сбором и анализом данных [10]. Так как в фокусе внимания данной работы — конструкты тюремной ресоциализации, создаваемые бывшими осужденными, в качестве стратегии исследования планируется описательная стратегия, выбранная в соответствии с целью планируемого исследования:

- представить картину тюремной ресоциализации;
- показать, как происходит данный процесс в изложении его самими бывшими осужденными.

Известно, что объяснительная стратегия используется в условиях обилия описательной информации об изучаемой проблеме. В этой связи дефицит информации о тюремной ресоциализации в изложении ее практик бывшими осужденными и способствовал нашему выбору.

В процессе планируемого исследования выделим *два этапа*: кабинетный и полевой.

На этапе кабинетной работы предполагается определение ключевых вопросов исследования, а также поиск релевантной информации для подготовки к сбору первичных данных на основе всестороннего поиска литературы по исследуемой проблеме. Предполагается, что включение анализа результатов количественных и иных исследований в обзоры литературы, создаваемые на этапе кабинетной работы, повысит надежность планируемого исследования. В частности, тем самым у исследователя появляется возможность определенного соотнесения получаемых им результатов с уже представленными в научном дискурсе.

При полевом этапе работы, заключающемся в сборе первичных данных, планируется в качестве основного метода исследования проведение полужформализованного интервью. Заметим, что современное общество, по мнению ряда исследователей, является «обществом интервью» [11]. Возникает вопрос: «Почему наш выбор связан не с нарративным, например, а с полужформализованным интервью?». Действительно, видов интервью, как и подходов к проведению исследований на их основе, немало. Наше сосредоточение на полужформализованном интервью обусловлено прежде всего спецификой темы исследования и особенностями респондентов. Речь идет о такой «чувствительной» для респондентов теме, как отбывание уголовного наказания, об установках, ценностях, мотивах участия в ресоциализационном процессе и влиянии на него специфики совершенных преступлений. Немаловажен и тот факт, что бывшие осужденные — из ряда не очень разговорчивых рассказчиков. Качественный состав их весьма «пестр» в аспекте как возрастного, образовательного, профессионального состава, так и (и это главное) статей, по которым они отбывали уголовное наказание.

В разрабатываемом исследовании интервью запланируем только для бывших осужденных, поскольку в отличие от лиц, отбывающих уголовное наказание, они не только прошли через все этапы тюремной ресоциализации, но и представляют разные практики реинтеграции в общество, осуществляемые как с помощью разного рода реабилитационных служб, так и фактически без их поддержки. Разумеется, исследования ресоциализации и реинтеграции бывших осужденных в социум сопряжено со значительными трудностями. Доступ к этой социальной общности затруднен, требует времени для установления взаимопонимания не только с ними, но и с разнотипными социальными службами, помогающими бывшим осужденным в возвращении в общество. Речь идет в данном случае о стационарных и нестационарных реабилитационных центрах для лиц

без определенного места жительства. Ведь целый ряд бывших осужденных освобождается из исправительных учреждений, имея статус «бомжа». Существуют и этические проблемы при проведении интервью с бывшими осужденными, связанные с его направленностью: в нашем случае это беседа об освоенных в период отбывания уголовного наказания практиках ресоциализации в местах лишения свободы.

Возвращаясь к полужформализованному интервью как ключевому методу нашего исследования, обратим внимание на его амбивалентность: оно относится и к качественной, и к количественной традиции. Так, в силу частичной формализации в полужформализованном интервью получаемые данные могут подвергаться математической обработке. Как пишет Н. В. Веселкова, полужформализованное интервью не полностью погружено в «феноменологический поток бытия», оно достаточно структурировано, чтобы удерживаться на плаву и сохранять ориентацию на задачи текущего исследования [12]. Действительно, это интервью достаточно гибко и восприимчиво, чтобы уловить и непредвиденные, но интересные повороты беседы в направлении обнаружения новых, порой неожиданных аспектов изучаемой темы. Например, в ходе интервью с бывшими осужденными респонденты не следуют порой строго за вопросником, а расширяют рамки своего рассказа по целому ряду вопросов, предлагая такие интересные повороты в беседе, как особенности тюремной ресоциализации матерей, больных наркоманией и имеющих малолетних детей, рожденных в исправительном учреждении; коррупциогенные практики взаимодействия осужденных с сотрудниками исправительных учреждений или завершающий этап тюремной ресоциализации как барьер ее результативности. При этом вне внимания респонденты могут оставить также ряд вопросов исследователя, аргументируя такой отказ следующими образом: «не помню», «зачем об этом говорить-то».

Памятуя об амбивалентности полужформализованного интервью, в нашем исследовании мы его отнесли к качественной традиции. И в этой связи, забегаая вперед, подчеркнем, что при обработке собранного эмпирического материала планируется использование методов анализа качественных данных. При этом важно помнить, что гибкость и возможность менять исследовательскую стратегию — одно из главных преимуществ качественного исследования [13], которым, возможно, придется воспользоваться. Иными словами, в качественном исследовании труднее, чем в других типах исследований, предложить «лучшие практики». В качественных исследова-

ниях немало методологических проблем. При этом, пожалуй, одну из самых важных из них озвучим так: можно ли доверять информантам, тем более лицам, отбывшим уголовное наказание, у которых, по-видимому, есть много причин лгать о своей жизнедеятельности [13]. Тем не менее множество рассказываемых респондентами историй будут отражать проблемы и помогать в понимании сложной природы ценностей, идентичностей, культур, сообществ осужденных, лежащих в основе их участия в исследуемом ресоциализационном процессе. Таким образом, «правда» может быть не лучшей мерой получения теоретически и практически значимых данных. Даже очевидная ложь может быть интересной, а естественное стремление свести к минимуму ложь не всегда может быть лучшим исследовательским подходом [13, р. 462]. Кстати, нет оснований полагать, что преступники лгут больше, чем законопослушные граждане. Немаловажно и другое: при проведении интервью, например, в тюрьме ожидается, что осужденные будут лгать, чтобы им смягчили приговор. В свою очередь, беседа с клиентом реабилитационного центра не означает ли, что люди, проживающие в этих учреждениях, примут исследователя за одного из сотрудников данной организации? При разговоре же с бывшим осужденным в кафе, на улице можно предполагать, что его согласие на такую беседу связано с желанием «похвастаться» перед своими друзьями такой практикой. Однако кто расскажет истории, не зависящие от контекстов такого взаимодействия: от того, с кем ведется разговор, на какой площадке и т.п.? Словом, рассказы респондентов различаются, но это не делает их менее ценными источниками данных [13, р. 461-462]. Вместо того чтобы осуждать, так сказать, получаемые нами таким образом данные, важно сфокусировать внимание на том, что эти данные учат, информируют не только о практиках ресоциализации бывших осужденных, но и о культуре, обществе в целом.

Не менее серьезной при планировании качественного исследования ресоциализации осужденных является проблема выборки: отбора респондентов, у которых и будут взяты интервью. На наш взгляд, в данном случае уместна выборка максимальной вариации — целеориентированная выборка, которая сфокусирована на описании центральных аспектов, перекрывающих большую часть всех случаев [14, с. 72]. Благодаря этому, сбор данных и их анализ будет включать высококачественное, «детальное описание каждого случая, который может оказаться полезным для документирования уникальности; «описание важной общей модели, проявляющейся во всех случаях, достоинство которой вытекает из их гетерогенно-

сти» [14, с. 72]. В группу респондентов планируется включение как мужчин, так и женщин; людей разного возраста, уровня образования, профессионального и семейного статуса; с разным статьями судимости, по которым они отбывали уголовное наказание. Такой подход к отбору респондентов при небольших выборках может вести к определенным проблемам, ибо отдельные случаи могут сильно отличаться друг от друга. Однако эта, можно сказать, «слабость» максимальной вариации способна превратиться в «силу» с помощью следующего размышления: «любая модель, возникающая из большого разнообразия случаев, представляет особый интерес и ценность в изучении центральных аспектов и тем» [14, с. 72]. Согласимся с М. Боржицкой, что время, проведенное в исправительном учреждении, имеет такие побочные эффекты для бывших осужденных, как потеря работы, имущества, квартиры, контактов с друзьями и семьей; у некоторых представителей данной группы наряду с низкой самооценкой появляются и психические проблемы во время содержания под стражей и т.п. [15]. Разумеется, перечисленные эффекты представлены в ситуациях бывших осужденных по-разному, и их, определенно, важно учитывать, осуществляя отбор респондентов.

В планируемом исследовании предлагается взятие интервью у следующих групп респондентов:

- лиц без определенного места жительства, отбывших уголовное наказание и проживающих в реабилитационных центрах временного содержания и стационарных учреждениях;

- лиц, не нуждающихся в услугах подобного рода организаций, которые отбыв уголовное наказание, возвратились, например, в свою или родительскую семью.

Таким образом, проведение полевой работы можно осуществить на трех площадках: в двух разнотипных реабилитационных центрах для бездомных (стационарное учреждение и учреждение временного содержания) и на нейтральной площадке для общения с теми из бывших осужденных, кто не имеет статуса лица без определенного места жительства (например, кафе или сквер). Необходимо заметить, что не все названные выше площадки можно отнести к идеальному полю исследования. Так, нелегко получить доступ к общению с клиентами реабилитационных центров. Для этого предполагается получение согласия министерства, в ведении которого находятся эти учреждения, и более того, необходимо установить продуктивный контакт, расположить к себе, «разморозить» потенциальных информантов, попавших в выборку.

Кроме этого очень сложно получить доступ к общению с теми из бывших осужденных, кто не относится к лицам без определенного места жительства. Как и где искать этих информантов и как добиться их согласия на интервью? С одной стороны, можно обратиться за помощью в уголовно-исполнительные инспекции, осуществляющие контроль над условно-досрочно освобожденными осужденными, но такое обращение не решает проблему поиска тех из бывших осужденных, кто не имеет статуса лица без определенного места жительства. Ведь выборка максимальной вариации предполагает включение в нее и тех, кто не находится под контролем таких инспекций. Считаем, что исследовательская и методическая триангуляция в данном случае сыграют свою роль в принятии решения касательно принципов отбора информантов. Справедливости ради подчеркнем, что благоприятные для исследовательской работы условия встречаются нечасто. «Выход в поле» — это всегда тяжелая работа, особенно в ситуации необходимости завоевания доверия лиц, отбывших уголовное наказание, уровень доверия которых — это проблема для исследователя (и в аспекте межличностных отношений, и в аспекте их отношения к разного рода организациям) [14, с. 69].

Заключение

Подводя итоги, еще раз подчеркнем значимость методологии качественного исследования сложившихся практик ресоциализации осужденных. При этом, в сравнении с количественным исследованием, считаем крайне важной саморефлексию исследователя на следующих аспектах при планировании изучения названной выше темы: на возможных рисках и на ожидаемых преимуществах планируемой работы. Специфику качественного исследования нередко описывают с помощью метафоры спирали.

Поэтому если у уважаемого читателя данной статьи возникнет желание задать вопросы, вступить в дискуссию с ее автором, то считаю свою задачу выполненной.

Литература

1. Nagin D. S., Francis T. Cullen F. T., Jonson C. L. Imprisonment and Reoffending // Crime and Justice. 2009. № 38 (1) Pp. 115-200. DOI: 10.1086/599202.
2. Малыхина Т. А. О специфике детерминации современной рецидивной преступности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С. 75-85.

3. Irwin J. The Warehouse Prison: Disposal of the New Dangerous Class. Los Angeles, CA: Roxbury Publishing Company, 2005. 318 p.
4. Richards S. C. The New School of Convict Criminology Thrives and Matures // Critical Criminology. 2013. № 21 (3). Pp. 375-387.
5. Ross J. I. Convict Criminology // The Routledge Companion to Criminological Theory and Concepts. New York, 2017. Pp. 243-248.
6. Dekeseredy W. S. Critical Criminologies // Oxford Research Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice. 2020. DOI: 10.1093/acrefore/9780190264079.013.549.
7. Frauley J. Representing Theory and Theorising in Criminal Justice Studies Practising Theory Considered // Critical Criminology. 2005. № 13 (3). Pp. 245-265.
8. Seidman S. Contested Knowledge: Social Theory Today. 6th Edition. Wiley-Blackwell, 2016. 368 p.
9. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. 2013. Гл. 1.1. С. 17. URL: https://skepdic.ru/wpcontent/uploads/2013/05/Berger_Lukman_Sotcialnoe_konstruirovanie_realnosti_Skepdic.ru_.pdf.
10. Leeuw F. L. Empirical Legal Research: The Gap between Facts and Values and Legal Academic Training // Utrecht Law Review. 2015. Vol. 11. Issue 2. Pp. 19-33.
11. Atkinson P., Silverman D. Kundera's Immortality: The Interview Society and the Invention of the Self. Qualitative Inquiry. 1997. Vol. 3. Pp. 304-325.
12. Веселкова Н. В. Полуформализованное интервью // Социологический журнал. 1994. № 3. С. 103-109.
13. Sandberg S. What can «Lies» Tell Us about Life? // Journal of Criminal Justice Education. 2010. № 21 (4). Pp. 447-465.
14. Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования / под ред. И. Штейнберга. СПб.: Алетейя, 2009. 356 с.
15. Borzycki M. Interventions for prisoners returning to the community: a report prepared by the Australian Institute of Criminology for the Community Safety and Justice Branch of the Australian Government Attorney-General's Department. Canberra // Australian Capital Territory: Attorney-General's Department. 2005. 178 p.

*Статья поступила в редакцию 08.08.22 г.
Рекомендуется к опубликованию членом Экспертного совета
канд. социол. наук, доцентом Т. П. Карповой*